

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М21

Мальцев, Алексей.

М21 Шиза / Алексей Мальцев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Диагноз: Психологический триллер).

ISBN 978-5-699-94100-1

Врач-психиатр Илья Корнилов готовит заключение о вменяемости Константина Бережкова, убившего женщину с особой жестокостью. Первое впечатление: Бережков — абсолютный шизофреник с синдромом раздвоения личности, не контролирующей свои поступки. Врачебный консилиум также склоняется к выводу, что преступник — психически больной человек. Но Корнилов не спешит поставить свою подпись под заключением и отправить психа на лечение. И причина не только в подозрительности психиатра. Бережков оказался тем самым врачом-хирургом, который много лет назад из-за своей ошибки и халатности сломал Корнилову жизнь. Желание доказать вменяемость Бережкова и сгноить его в тюрьме в какой-то момент пересилило профессиональный долг психиатра...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мальцев А., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-94100-1

КНОПОЧНОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Припарковавшись на служебной стоянке у поликлиники, я взял с заднего сиденья портфель, поставил свою «Короллу» на сигнализацию и направился к центральному входу.

По пути взглянул на небо, вспомнив, что не поинтересовался с утра прогнозом. Судя по небу, дождь исключить было нельзя, а я сегодня без зонтика!

На крыльце оглянулся, заметил по ту сторону ограды черный «Лексус», мелькнула мысль: наверняка кого-то из пришедших на прием.

Около кабинета увидел семейную пару. Это улавливалось по приглушенным голосам, по множеству мелочей... Вообще, когда ты пятнадцать лет в профессии, подобные вещи «простреливаешь» мгновенно.

Как они перешептываются, как смотрят друг на друга... Мимика, жесты... Семья есть семья, док, те-

бе ли этого не знать! Особенно начинаешь ценить ее, когда безвозвратно утратишь. Кусаешь локти, коришь себя: куда смотрел?! Где раньше был?! Почему не рвался «из жил и сухожилий», только бы сохранить, уберечь то хрупкое, что объединяло и согревало.

Сейчас согреть нечему, да и нечего... Все в прошлом.

Проходя мимо, краем уха уловил, как мужчина уточнил у медсестры: «Скажите, это доктор Корнилов?» Ответа не расслышал, скорее всего, он удостоился не более чем кивка головы.

Потому что Илья Николаевич Корнилов — это, собственно, я и есть. Дожил почти до сорока, к счастью, не спился, хотя поводов — более чем достаточно. Холостой кандидат медицинских наук. К докторской пока не приступал, хотя материал собираю. Но это так, сноска...

В кабинете едва успел переодеться, как раздался телефонный звонок.

— Илья Николаевич, доброе утро, — интонация заведующего Либермана не сулила ничего хорошего. От трубки так и веяло экстренностью. — Зайди срочно ко мне, пожалуйста. Если кто-то у кабинета сидит, направь к Немченко, пусть молодежь трудится.

Слово «молодежь» было одним из любимых у Давида Соломоновича. В те редкие минуты, когда можно было позволить себе как-то лирически «отступить от темы», он частенько сетовал на

то, как изменились современные студенты, как скатилось «кнопочное поколение», «дети ЕГЭ».

— На кого мы оставим наших бедных шизофреников?! Кто будет проводить диагностику паранойи, купировать алкогольные делирии?! — сокрушался он, курсируя по кабинету с заложенными за спину руками. — Психической патологии становится все больше, она все тяжелее, а молодежь привыкла только нажимать на кнопки! Выбирать один вариант из нескольких предложенных. Им дай пять или шесть симптомов, они один из них выберут. По-другому не умеют!

Либерман читал курс лекций в Медакадемии и даже вел там две группы. Предлагали еще, но он отказывался. Впечатлений старику и так, что называется, хватало надолго.

Ради справедливости стоит заметить, что Немченко не попадал в категорию «детей ЕГЭ», крупницы клинического мышления в его высказываниях заведующий периодически улавливал.

Сегодня Давид Соломонович был явно не в духе. Мешки под глазами и сдвинутый набок галстук говорили сами за себя. О его давлении по поликлинике ходили легенды, даже стишок шуточный про это дело придумали:

Ты в психиатрии без обмана
В наши дни никак не проживешь...
Лишь гипертонию Либермана
Вокруг пальца ты не обведешь.

— Звонили из СИЗО, — начал он без обиняков после рукопожатия. — С утра, что называется, за жабры взяли. Короче, то ли маньяка взяли, то ли еще кого. Я толком не понял. И, видите ли, возникло сомнение в его психическом состоянии — мягко говоря...

— Этого самого маньяка? — уточнил я.

— Ну, не в моем же! — обиделся Либерман. — В моем-то ты, надеюсь, не сомневаешься? А если по-русски, то он им в течение суток нес такую ахинею, что — мама не горюй... Подготовили постановление о проведении амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы, просили к ним в СИЗО приехать, но я сказал, чтоб к нам везли.

— Это вы дальновидно поступили, — заметил я.

— Издеваешься, да? Видишь ведь, я никуда пока ехать не могу, давление зашкаливает. Психбригада к нам везет. Несет такой бред, что все ходят на ушах. Короче, надо определиться срочно с ним, у них версии летят одна за другой, сам понимаешь.

— Может, казачок-то засланный?! — решил оригинальничать я по простоте душевной, но заведующий явно не оценил мою шутку. — Искусно прикидывается...

— Это ты сейчас придумал или домашнюю заготовку выдал? — спросил он и уставился поверх очков на меня так, что мне захотелось мигом втиснуться в пузырек нитроминта, который торчал из кулака заведующего, чтобы в виде спрея «выстрелить» хозяину под язык, всосаться в кровь, в ту же

минуту облегчив его страдания. — Ты начни с ним, поковыряй его аккуратненько, но смотри, чтоб не до судорог! А я оклемаюсь чуток...

— Договорились, начинаю без вас.

— Начинай, дорогой, — кивнул заведующий и сморщился, по-видимому, от головной боли.

«Поковырять, но не до судорог» — было ходовым выражением заведующего. Довести пациента до судорог — верх непрофессионализма. Хотя, чего греха таить, судорожный синдром мог нагрянуть, когда его не ждешь — среди полного спокойствия. Он — как икота у ребенка. В конце концов, судороги мог спровоцировать сам больной. Но это так, сноска.

Уже направляясь в судебно-психиатрический стационар, чтобы «поковырять подследственного», я состыковал в голове одно с другим и понял, почему шефу нехорошо. По всей вероятности, медленно, но верно надвигался сезон дождей. Не зря же небо мне утром не понравилось. А когда падает атмосферное давление, у гипертоников артериальное, наоборот, повышается. Как правило, подобные природные катаклизмы совпадают с магнитными бурями. Если не проведена соответствующая профилактика — дело плохо, больного начинает плющить, колбасить — короче, выворачивать наизнанку.

Фельдшер психбригады Стас Пепеляев, увидев меня, отвел в курилку, угостил сигаретой, кратко рассказал о больном:

— Вел себя спокойно, прикинь, слушал, как в животе кричат компьютерные мальчишки, просил поставить что-нибудь детское, в смысле музона, чтобы они уснули.

— Такого я что-то не припомню, — признался я, выдыхая дым и стряхивая пепел в обрезанную бутылку из-под какого-то энергетического напитка. — И как, кибердетки успокоились? Или их предстоит успокаивать мне?

— Не это главное, там майор такой есть, с постановлением подъедет где-то через час-два. Так вот, он мне обрисовал картинку. Парнишу взяли вчера днем. Оперативники «накрыли» один из подвалов, где и обнаружили этого придурка с окровавленным молотком в руке. Он стоял на коленях, склонившись над женским трупом, череп которого был раздроблен. — У Стаса запиликал сотовый, он взглянул на дисплей, сбросил звонок и продолжил: — Прикинь, молотком расколотил бабе черепушку. Как яйцо! И потом с интересом, как экспонат в музее, рассматривал то, что лежало перед ним. При нем не было никаких документов, очки, лицо, медицинский халат — все было забрызгано кровью. Обрати внимание — халат был накрахмаленный. Только в крови, и ни в чем более, сейчас на экспертизе.

— И что, больше никого в подвале не было? — задал я вопрос, чувствуя, как от услышанного в моем собственном животе начинает кто-то шевелиться.

— Если бы! — усмехнулся Стас. — Еще две женщины, живые, но в полной отключке, были привязаны к трубам отопления. Сейчас в городской реанимации. Такая диспозиция...

— Это не тот ли самый случай, о котором все газеты гудят?

— Да, похоже, это тот случай. Короче, за ночь этот маньяк им в СИЗО так мозги вынес, что они встретили нас как спасителей-избавителей. Я этого майора знаю, не первый раз встречаемся, чтобы довести его до такого состояния — нужен как минимум Чикатило. У них у всех уши были свернуты в трубочку, а глаза — на лбу.

— Так уж и на лбу? — зная красноречие Стаса, усомнился я напоследок «для порядка».

КОМПЬЮТЕРНЫЕ МАЛЬЧИКИ В ЖИВОТЕ

В последние месяцы город в прямом смысле лихорадило. То там, то здесь начали исчезать женщины. К расследованию подключились не только журналисты, но и мужья похищенных. Версий насчитывалось много, они даже печатались в прессе — одна страшнее другой и одна сумасбродней другой. Но единой, которая бы логично объясня-

ла все происходящее, не было. Все терялись в догадках.

Требований выкупа не поступало, трупов никто не находил.

Не инопланетяне же вмешивались таким образом в земную жизнь!

И вот сидим мы с тем самым маньяком-одиночкой друг напротив друга по разные стороны стола и смотрим. Я — на него, он — по сторонам. Ему все интересно: диктофон с блокнотом на столе, люминесцентная лампа на потолке, календарь на шкафу, книги на полках, даже наручники на собственных запястьях. Медленно переводит выпученные глаза за кругляшками очков с одного предмета на другой, ожидая, когда же я заговорю.

А я по привычке спрашиваю себя, что бы подошло парню больше всего: обшивать веранду дома фальцовкой, к примеру, управлять экскаватором, шинковать луковицу или дирижировать оркестром...

Уж точно — не стоять на коленях с молотком над окровавленным женским трупом!

Нескладный, большеголовый, чуть одутловатый, как из другого измерения, он сидел сейчас передо мной, словно ждал начала сеанса в кинотеатре. Пальцы не суетились, губы и щеки не дергались. Не каждый нормальный так себя сможет вести после случившегося.

Меня заинтересовали его уши: оттопыренные, словно с другого черепа. Их дизайном занимался явно не тот, кто рисовал все остальное. Говорят, такая форма раковин является признаком тонкой организации души, недюжинного интеллекта. Ну-ну...

Внезапно меня осенило: где-то я уже видел этот покаты́й лоб, эту поперечную морщинку на переносице, этот подбородок с ямкой посредине...

— Почему вы ничего не спрашиваете? — не выдержал он наконец. — Не пора ли начинать? Время-то идет!

— Во-первых, за вами наблюдаю и делаю выводы, это иногда информативней любых слов, — приоткрыл я завесу тайны, нажимая кнопку на диктофоне. — А во-вторых, скоро подойдут мои коллеги, все же экспертная комиссия должна состоять из трех специалистов, а не из одного. Вот их-то я и жду.

— А я голову ломаю — для кого еще два стула?! Хорошо, а записывать-то зачем? — он кивнул на диктофон.

— Видите ли, я никогда не слышал, как плачут компьютерные мальчишки, тем более — в животе молодого мужчины. Надеюсь, вы не против?

— Вот вы о чем, ну да, ну да, — расслабился он, улыбнувшись. — Должен вас разочаровать. Они успокоились и вряд ли сегодня подадут голос. Когда это случится, я вас приглашу послушать. Только для этого диктофон придется приложить к самому

животу. Это как сердцебиение у плода, лучше один раз услышать...

— И давно они у вас кричат?

— Как только у меня появился первый компьютер, с тех пор... Значит, где-то лет пятнадцать. Иногда довольно громко, мне кажется, даже соседи слышали их крики.

— Давайте познакомимся, меня зовут Илья Николаевич, я врач-психиатр. Как мне к вам обращаться?

— Можно называть меня Костей, можно даже на «ты»... Мама в детстве звала Костиком, мне это нравилось, — он вдруг соединил ладони под подбородком, словно собрался прочитать молитву. — Но с тех пор прошло много лет, и назад вернуть ничего нельзя. Время неумолимо движется...

— Ты хорошо помнишь своих родителей?

— Помню, конечно. Десять лет назад они погибли в автокатастрофе.

— Сочувствую... Братья, сестры у тебя есть?

— Нет, один я был у мамы с папой. Как перст.

— А полностью, с отчеством, с фамилией тебя как звать-величать? Сколько тебе лет?

Он вздохнул, разведя руками, дескать, и вы туда же.

— Тридцать пять мне. Полностью меня величают Константином Аркадьевичем, фамилия — Бережков. Думаю, на этом можно закончить и вернуть меня в больницу, откуда меня, собственно, и привезли. У меня больные остались без присмотра,

что с ними стало за ночь? Работы — непочатый край!

— Детство свое ты помнишь хорошо? — продолжал я невозмутимо, не обращая внимания на его озабоченность.

— Помню только, что приходилось переезжать с места на место. Родители много работали, на меня у них времени не хватало, и я месяцами гостил у маминой сестры, тетки Тамары. Начиная с восьми лет.

В этот момент дверь раскрылась, в кабинет вошел Давид Соломонович и незнакомый мне доктор лет тридцати. Оценив грудку мышц, перекачивающуюся под халатом, и сбитые костяшки пальцев, я окрестил его Каратистом.

— Мы тут с Ираклием Борисычем ознакомились с делом, — начал после представления Либман, перекладывая на столе отпечатанные на принтере листы с места на место. — Так вот, Константин Аркадьевич, мы не видим никакого смысла ходить вокруг да около. Лучше сразу все карты раскрыть.

— Я... я тоже... Давайте сразу, — засуетился Березков, даже в глазах его появился блеск. — Чтоб никаких там... инсинуаций.

— Тебя взяли в очень красочном интерьере, в недвусмысленной ситуации, отягчающих обстоятельств — выше крыши... Отпечатков полно. И все понимают...